

И твердь былъ голосъ дѣвы молодой,
Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
Она сказала: «Воины, вперед!
Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
Они бѣгутъ, но мы не побѣдимъ.
Кто первый мнѣ его покажетъ кровь,—
Тому моя рука, моя любовь!»

22.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услышалъ свой приговоръ.
«И ты противъ меня!»—воскликнулъ онъ.
Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
Какъ будто сердца лучшая струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ
И обернулся медленно плащомъ,
Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній побѣднѣлъ...
И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
И, наконецъ, оно превозмогло.
Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ,—
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ;
Хотя-бъ молитву или злой упрекъ
Онъ произнесъ; но, нѣтъ, онъ былъ далекъ
Отъ этихъ чувствъ,—онъ вѣкъ счастливый
Определилъ невѣрующей душой. [своей
Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать,—
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать.

23.

И опустѣлъ его высокій домъ:
И странниковъ не угощаютъ въ немъ;
И дворъ заросъ зеленою травой;
И пылъ покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры; и гладкій полъ
Не скрипитъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой, молодой;
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
Они забыты въ полѣ ровномъ,
Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все—какъ прежде: люти у огня,

И вдругъ нея обвитая струна;
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ.
И, раздвывая пологъ парчевой,
Скользнуть по нимъ прохладный вѣтръ ноч-
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна [ночь,
Глядитъ одна нескромная луна...

24.

Есть монастырь... И тамъ, въ тѣдѣлю разъ,
За упокой молящихъ слышеть гласъ,
И съ честью передъ набожной толпой
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
Не тяготитъ сырыхъ его костей;
Никто объ немъ не плакалъ, лишь одна
Монахиня... Богъ знаетъ, кто она...
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной онъ былъ жестокъ...
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ роки?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обманутъ былъ съ такимъ умомъ,
Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой.
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?..
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза вырастаетъ—молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ;
И часто отдыхающій пришлецъ
Груститъ о ней и мыслитъ: наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Увянетъ преждевременно она..
Но что жъ?—Усилия вихря и рожденья
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встречая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой...

1831.

Ангель Смерти.

(Восточная повѣсть).

Посвящается А. М. Верецагиной.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспомянемъ и—тобой!

Я дни мои влачу, тоскую
И, въ сердцѣ образъ твой храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангель смерти для меня.

Явись мнѣ въ грозный часъ страданія,